

Труд. - 1994 - 3 авг. - 47

ОТВЕРЖЕННЫЙ

...КОГДА в конце 1927 года Ивана Даниловича Жадана принимали в Большой театр, еще пел неповторимый Леонид Собинов, блистали Антонина Нежданова и братья Пироговы, Надежда Обухова и Николай Озеров. Бывший луганский кузнец Жадан довольно быстро завоевал свое место под солнцем. После небольшой партии второго плана — запевалы в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин» ему стали поручать ведущие роли: Индийского гостя в опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко», Берендея в его же «Снегурочке», Юродивого в «Борисе Годунове» М. П. Мусоргского, Ленского в «Евгении Онегине», герцога в «Риголетто» Д. Верди. Так продолжалось целое десятилетие. Были триумфальные гастроли в Риге, где проводились Пушкинские дни. Певца непрерывно бисировали — ариозо Ленского «Я люблю вас» исполнялось 2 раза, ария «Куда, куда вы удалились» — 3 раза. Публика требовала, чтобы артист непременно показался ей в других спектаклях. Не было для него костюмов, и тогда посол СССР в Латвии организовал их доставку из Москвы специальным самолетом. Пришлось Жадану выступить в «Фаусте» и «Риголетто». И снова безусловный успех: знаменитую песенку герцога певцу пришлось повторять трижды. А потом...

Насчет «потом» я спрашиваю теперь гражданина Соединенных Штатов Америки Ивана Даниловича Жадана, побывавшего — не надолго — в России.

— Потом с моей карьерой стало происходить нечто необъяснимое. Это тем более непонятно, что, как мне казалось, я, заслуженный артист РСФСР, ни в чем не уступал своим именитым коллегам Козловскому и Лемешеву. Вообразите себе, но в том же, 1937 году нам даже довелось петь вместе в спектакле, посвященном памяти Пушкина. Шел «Евгений Онегин». В первом действии оперы ариозо «Я люблю вас...» пел я, во втором на балу у Лариных «В вашем доме» — Лемешев, в третьем «Куда, куда вы удалились» — Козловский. Кажется, все мы были тогда в ударе, никто никому не хотел уступать...

— Так что же с вами потом произошло?

— Судить трудно. Вокруг меня после гастролей в Риге создалась какой-то вакуум. Мне запретили ехать на гастроли в Таллин и Вильнюс. Ограничили мой репертуар до двух партий — Ленского и Синодала в опере Рубинштейна «Демон». Вскоре арестовали благоволившего ко мне директора Большого театра Владимира Ивановича Мутных. Исчез куда-то посол СССР в Латвии, помогавший доставлять мне костюмы из Москвы. Сильнейшим, как вы сами понимаете, для меня ударом стало отлучение от концертов в Кремле. А ведь еще недавно сам Сталин выражал желание, чтобы Жадан непременно исполнял арию Надиры из оперы Бизе «Искатели жемчуга», потом специально для него, по его просьбе, я выучил «Калинку». Знаете, мне расхотелось петь. Об этом я даже сказал своему лучшему другу — знаменитому басу Александру Степановичу Пирогову. Чем он мог меня утешить? Ко-

...Спустя полвека он снова вернулся на Родину. Вышел из здания Шереметьевского аэровокзала и тут, кажется, в полной мере ощутил, что дома. Не удержавшись, повернулся к сыну: «Неужели я на родной земле!» По щекам его текли слезы. Кто у кого был в неоплаченном долгу: он у Родины или она у него?

нечно, в это время друзья меня не оставляли в беде. Как могли, утешали Асаф Мессерер, Вера Давыдова, дирижер ГАБТа Александр Чугунов...

— Неужели и Давыдова не могла вам ничем помочь? Злые языки утверждают, что со Сталиным ее связывала не просто дружба...

— Вера Александровна Давыдова действительно была красива, даже очень. Но не думаю, что ее творческий успех был обеспечен каким-то особым отношением к ней вожда. Она на самом деле — явление в искусстве. И все мы это хорошо понимали. Так что о ее влиянии на Сталина с целью помочь мне не могло быть и речи.

Иван Данилович Жадан все чаще стал уезжать на свою подмосковную дачу в Манихино. А с началом войны и вовсе туда переехал вместе с женой и младшим сыном. Старшего призвали в армию. Объяснялся переезд еще и тем, что спектаклей в театре практически не было, да к тому же и жить в московской квартире на последнем, 9-м этаже стало невыносимо. На крыше его дома в Брюсовском переулке (ныне улица Неждановой) была установлена зенитка, которая отражала налеты вражеской авиации на столицу. И вот однажды...

— Это было осенью 1941 года. Манихино захватили немцы. Нас, солистов Большого театра, тогда там было много. Так вот, в мой дом, где вместе со мной тогда были концертмейстер, знавшая хорошо немецкий язык, баритон Волков и еще несколько артистов, вошел офицер. «Кто такие?» — сурово спросил

он. «Артисты», — пролепетала на смерть перепуганная пианистка. Офицер на минуту задумался, потом лицо его просветлело: «А Вагнера можете исполнить?» Волков утвердительно кивнул головой. Что нам оставалось делать? 13 артистов Большого невольно стали заложниками трагической ситуации и, как мы затем поняли, попали в большую беду. Ясно было, что пути назад могло и не быть. В декабре я и еще 12 моих коллег, артистов Большого театра, вынуждены были вместе с отступающими немцами двигаться на запад...

Днем они пилили дрова, по вечерам их заставляли петь. В Минске артистов вообще приняли за советских разведчиков и едва не расстреляли. Потом, правда, отправили в лагерь, где им были созданы более-менее приличные условия. И все же они были чужими и для своих, и для немцев. В Праге Жадан встретил своего коллегу Печковского. «Может, вернемся домой?» — спросил тот. «Зачем?» — подумав, ответил Иван Данилович. — Чтобы вслед за старшим сыном потерять еще жену и младшего сына? Нет, уж лучше испытать судьбу до конца». В чем-то он был прав. Ведь после его исчезновения репрессировали мать жены и старшего сына. Их лишили жилищной площади и сослали в далекий Красноярский край. Правда, об этом он мог только догадываться — о судьбе близких ему не было ничего известно потом долгие десятилетия.

Окончание войны застало артиста в Германии в зоне оккупации американцев. Те, выполняя союзнические обязатель-

ства, вознамерились вернуть его на родину. Пришлось скрываться, менять фамилию то на Иванову, то на Данилову. Расстроилась семья — расстались с женой. Уже после войны он знакомится с американкой Доррис, и она помогает ему уехать в Штаты. Там они женятся, но жизнь никак не складывается. Попытки вернуться к творческой жизни особых радостей не приносят. Правда, американцы восторженно приняли два его сольных концерта в знаменитом нью-йоркском Карнеги-Холле, которые смогла организовать Доррис. Появились наконец и пластинки с его записями, но решить финансовые проблемы молодое семейство не удавалось. Маститые местные продюсеры не слишком торопились оказать помощь чужаку.

Пришлось искать другую работу. Вот когда ему пригодилась навыки кузнеца. На маленьком острове Сен-Джон в Карибском море Иван Данилович устраивается простым каменщиком на фирме Рокфеллера. Постепенно приходит достаток и главное — желание остаться здесь навсегда. Отсюда он и приехал три года назад в Москву, чтобы обнять своего сына, которого не видел полвека. Да и сделать он этого не мог раньше — контакты между отцом и сыном были невозможны до середины 80-х.

Я спрашиваю Ивана Даниловича теперь, во время уже третьего его прилета в Москву, какой ему тогда показалась Родина после столь долгой с ней разлуки. Старый человек, перешагнувший 90-летний рубеж, во-

лею судьбы и войны разлученный с нею, не чувствует ли он себя потерявшим самое дорогое? Жадан, помолчав, вздохнул: «Я всегда мечтал иметь свой собственный клочок земли, я любил друзей, и, как оказалось, многие из них меня не забывали. Моему сыну Влاديمиру, когда он вернулся из ссылки, Вера Александровна Давыдова, будучи депутатом, не побоялась помочь в московской прописке. И это при еще живом-то Сталине! Насколько мне известно, для нее это потом имело не самые лучшие последствия. В те трудные годы сыну помогали (и морально, и материально) Давыдова, Пирогов, Лемешев, Николай Семенович Голованов, Асаф Михайлович Мессерер... Низкий поклон им за это. Я ни в чем не виноват перед Родиной и ни в чем не упрекаю ее. Я ее просто люблю».

Родина вспомнила о нем, вычеркнутом из истории не только Большого театра, но и из истории отечественного искусства, только спустя полвека. Осенью 1990 года, по первой программе Центрального телевидения в литературно-художественной программе ему посвящали крохотный сюжет. Но и в нем было сказано немало: «Это выдающийся русский певец, живущий в США. Его имя блистало на довоенной оперной сцене, оно стояло рядом с именами Лемешева и Козловского».

Тем, кто попытается разузнать об Иване Даниловиче что-нибудь компрометирующее его, сразу скажу: напрасный труд. В списках злейших врагов Советской власти и предателей он не числится. Архивы НКВД ничего порочащего о нем не расскажут. Между прочим, великий дирижер XX столетия Герберт Караян состоял в нацистской партии. Но об этом быстро постарались потом забыть в той же Германии, в Австрии, где он родился, в Греции, где были его корни. Он не был политиком. Он был выдающимся музыкантом, а значит, принадлежал человечеству. Так, может быть, и Иван Данилович Жадан достоин того, чтобы о нем как о талантливом певце чаще вспоминала его Родина. И не раз в пять лет, и не в радиопередаче для полуночников, как это случилось недавно. Подайте заявку на радио: ария Вертера или «Ах ты, душечка» в его исполнении. Вы убедитесь, что он был и остается великолепным певцом, украсившим историю русского вокала.

Последний вопрос я задаю его сыну, российскому гражданину, ветерану труда, оттрубившему многие годы в отечественном станкостроении, Владимиру Ивановичу Жадану:

— Скажите, вам не в чем упрекнуть своего отца? Ведь из-за него вы, будучи репрессированным, потеряли десять лет нормальной жизни.

— Я счастлив тем, что он нашел себя, что он жив, что мы наконец встретились. За что мне его упрекать? Покинуть Родину его вынудили обстоятельства, которые никто не сможет объяснить. Как и не сможет ответить, почему она отвернулась от него, почему его старались вычеркнуть из истории музыкального искусства. Разве он кого-то убивал, кого-то предавал? Нет, мне не в чем упрекнуть своего отца. Я горжусь им.

А мы?

Анатолий ЖУРИН.

НА СНИМКАХ: заслуженный артист России Иван Жадан (фото 1937 года); Иван Данилович вместе с женой (слева), сыном Владимиром и невесткой. 1994 год.

Фото Евгения ОССОВСКОГО.